

реформам и не могут быть реформированы никогда. Эти структуры — святыни. Это Церковь и Академия наук». Пока российскую науку в значительной степени я олицетворяю с Российской академией наук. Считаю, что не надо экспериментировать с нашей наукой. Ее надо поддерживать — материально и морально, ей не надо мешать. Если и надо что-то делать, то, по моему мнению, необходимо поддерживать и развивать академическую науку, возрождать отраслевую науку и усиливать университетскую науку. Все это надо делать системно, разумно, исходя из принципа: управлять наукой — это значит создавать условия для ее развития.

НИКИТИН ВЛАДИСЛАВ ЕВГЕНЬЕВИЧ

кандидат философских наук, доцент кафедры онтологии и теории познания философского факультета Санкт-Петербургского государственного университета, руководитель методического комплекса философского факультета в Петродворцовом учебно-научном комплексе СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия
e-mail: vladislav.nik@gmail.com

**«Философская среда»
Междисциплинарный семинар по философским проблемам
современной науки и культуры
в Петродворцовом учебно-научном комплексе СПбГУ**

Теоретический междисциплинарный семинар «Философская среда», действующий в Петродворцовом комплексе Санкт-Петербургского государственного университета, в некоторой степени является наследником традиций, памятных старшему поколению университетских ученых, философско-методологических семинаров 40–80-х годов прошлого века. О деятельности тех семинаров остались весьма противоречивые и неоднозначные воспоминания. С одной стороны, они были задуманы в советское время партийными чиновниками как одна из искусственных форм союза философии и естествознания, к которому призывал еще В. И. Ленин. По мнению партийного руководства, они должны были являться формой идеологического контроля над наукой. С другой стороны, взаимный интерес науки и философии, их активное взаимодействие в современной культуре, оказались тем фундаментом, на основе которого данное мероприятие не свелось к скучному официозу, а превратилось в содержательный творческий диалог между представителями математического естествознания и философии. На философско-методологических семинарах и конференциях обсуждались актуальные мировоззренческие и эпистемологические проблемы, связанные с развитием научного познания, вопросы современного научно-технического прогресса и его гуманитарных последствий. В том, что это мероприятие не стало дежурной формальностью, большая заслуга многих известных талантливых университетских ученых, которые не ограничивались узким кругом своих специальных, внутринаучных проблем, а живо интересовались тем социально-культурным контекстом, в котором развивается наука, и его влиянием

на это развитие. Среди них физики академик В. А. Фок, Н. А. Толстой, философы В. П. Бранский, Д. А. Гушин, А. С. Кармин, В. И. Свидерский, В. А. Штофф и многие другие яркие представители отечественной, ленинградской науки и философии. В 90-е годы, когда распалась страна, а наука и образование были озабочены в первую очередь собственным выживанием, прекратилась и работа методологических семинаров, традиция прервалась.

Современный научно-философский семинар, получивший название «Философская среда», начал свое существование в Петергофе в 2008 году уже не по распоряжению начальства, а, прежде всего, по инициативе тех, кто хорошо помнил незабываемую атмосферу былых ученых диспутов и стремился к тому, чтобы достигнутое в те времена не было безвозвратно утрачено и забыто. Тем более что современный научно-технический прогресс, его результаты и последствия остро нуждаются в максимально объективном анализе и ставят целый ряд экзистенциально-философских вопросов, связанных со смыслами и фундаментальными ценностями человеческого существования. Тематика и основные направления работы семинара, конечно, отличаются от характера и стиля работы семинаров прошлого века. Если тогда обсуждались преимущественно методологические аспекты формирования научного знания, темы, связанные с эволюцией и структурой научного знания, то сегодня актуальны вопросы влияния современной науки на формирование мировоззрения, проблемы не столько описания и объяснения действительности, сколько ее понимания и осмысления. Значительное место в работе семинара уделяется вопросам истории науки, духовной культуры и проблемам современного образования. В кратком обзоре трудно подробно и обстоятельно рассказать обо всех событиях, произошедших в рамках нашего семинара. Поэтому мы выделяем здесь прежде всего те, которые вызвали наибольший интерес как со стороны философов, так и со стороны представителей математического естествознания.

В работе семинара можно выделить три основных направления: **история науки и ее современные проблемы, наука и образование, наука и духовная культура.**

Историко-научная тема была представлена в докладах **И. С. Дмитриева** и **К. В. Холщевникова**. Так, в докладе профессора кафедры философии науки и техники философского факультета СПбГУ **Игоря Сергеевича Дмитриева** «Процесс над Галилео Галилеем» была изложена предыстория инквизиционного суда над Галилеем (с особым акцентом на событиях 1615–1616 годов), а также проанализированы причины и ход самого процесса, состоявшегося в 1633 году. В своем изложении автор опирался на поликонтекстуальный подход. Такой подход предполагает, что система контекстов, в рамках которых интерпретируется фактологический материал, не оставалась неизменной во времени, но постоянно меняла свою структуру. Именно сложная полифония различных факторов и контекстов (логических, физических, натурфилософских, патронатных, теологических, политических и личностно-психологических) определила в конечном итоге причины, характер и особенности процесса Галилея. В частности, жестокость антикоперниканской и антигалилеевой риторики при сравнительно мягком реальном наказании для тосканского *virtuoso* и «ослаблениях», сделанных ему в ходе разбирательства в трибунале Святой службы. В целом же представленная информация позволила несколько по-новому посмотреть на этот драматический сюжет в развитии европейской науки, который получил известные литературные и кинематографические интерпретации. Факты, представленные в докладе И. С. Дмитриева, позволили лучше понять ход, логику и смысл событий в противостоянии великого ученого и римской церкви.

Во втором докладе профессора И. С. Дмитриева «Союз ума и фурий: Французское научное сообщество в эпоху революционного кризиса конца XVIII столетия» рассматривались процессы, происходившие во французском научном сообществе в эпоху Великой французской революции (1789–1804). Опираясь на широкий круг литературных источников, в том числе редкие и малодоступные издания, а также используя архивные материалы, автор рассмотрел судьбы ученых и научных организаций в системе контекстов эпохи, прежде всего, в политико-экономическом, военном и социокультурном. Основное внимание при этом было уделено изучению структуры научного сообщества Франции при «старом режиме» и ее изменений в революционные годы, а также эволюции французских образовательных учреждений естественнонаучного и инженерно-технического профиля в годы Директории. Кроме того, особое внимание в докладе было уделено рассмотрению разных линий поведения представителей научного сообщества Франции в кризисные для страны годы. В частности, детально рассказано о трагических судьбах А. Л. Лавуазье и Ж. Байи. Изложенные факты, в том числе, указывают на то, что революции, как правило, оказывают отрицательное влияние на темпы развития науки и духовной культуры общества.

Заведующий кафедрой небесной механики математико-механического факультета СПбГУ, профессор Константин Владиславович Холшевников сделал на семинаре два доклада под общим названием «Развитие представлений о Вселенной». В его сообщениях были подробно рассмотрены как эволюция научных представлений о Вселенной, так и ее мировоззренческое значение. Первые известные нам модели Вселенной были разработаны Аристархом, Эратосфеном, Гиппархом и Птолемеем. Основная дискуссия при этом развернулась по вопросу о центре Вселенной: Солнце или Земля. В конечном счете гелиоцентрическая модель Аристарха была отброшена, и центром Вселенной полторы тысячи лет считалась Земля. Рассматривая причины перехода к гелиоцентризму, К. В. Холшевников обратил внимание на то, что Коперник, меняя местами Солнце и Землю, не располагал какими-то новыми фактами, но в его рассуждениях помимо научных, математических аргументов присутствовало много ссылок на теологию и магию. Дальнейшая эволюция гелиоцентрической модели связана с именами Браге, Кеплера, Галилея и Бруно. Именно Бруно, опираясь на астрономические данные, полученные в исследованиях его великих предшественников, а также на свои, в основном, умозрительные выводы пришел к заключению, что пространство Вселенной является трехмерным, а сферы «неподвижных звезд» не существует. Современная наука о Вселенной, по мнению К. В. Холшевникова, началась с Ньютона, который принял с некоторыми оговорками модель Бруно, опираясь уже на телескопические исследования. Открытый им закон всемирного тяготения позволил объяснить причины движения небесных тел, а созданные им системы дифференциальных уравнений позволили описать их движение. К наиболее революционным открытиям современной астрономии и космологии докладчик отнес открытия расширения Вселенной, новых видов материи, а также внесолнечных планет. Долгое время у гипотезы «Большого взрыва» было только одно наблюдательное подтверждение: красное смещение. Но постепенно появлялись новые факты, говорящие в ее пользу. Прежде всего, это реликтовое и микроволновое излучения. Затем оказалось, что масса видимого (во всех диапазонах) вещества значительно меньше, чем его должно быть, если судить по силе гравитации. Эта проявляющая себя только тяготением материя получила название скрытой массы, которая должна влиять на замедление расширения Вселенной. Без скрытой массы расширение было бы вечным, с нею расширение должно

в определенный момент смениться сжатием. Затем выяснилось, что скрытая масса состоит из двух составляющих, получивших названия темной материи и темной энергии. По современным представлениям, видимая материя составляет приблизительно 4 % (по массе) Вселенной, темная материя — 22 % и темная энергия — 74 %. Про темную материю мало что известно. Про темную энергию неизвестно ничего, кроме того, что вызывает не притяжение, а отталкивание частиц друг от друга, чем и объясняется ускоренное расширение Вселенной. Изучение этих субстанций только начинается, поэтому рано делать определенные выводы об их месте и роли во Вселенной. По мнению докладчика, наиболее «близким» и долгожданным в современной астрономии оказалось открытие внесолнечных планет, или экзопланет, обращающихся вокруг далеких звезд. Сейчас известно 763 планеты (на 23 марта 2012 года). Таким образом, подтверждена гипотеза о том, что планетные системы широко распространены в Галактике. Но тогда еще более нас должно озадачивать молчание Космоса, которое теперь не может быть объяснено недостатком подходящих для жизни планет.

Академик Российской академии естественных наук, профессор Андрей Анатольевич Гриб выступил с докладом на тему «**Проблема начала Вселенной в современной космологии**». «Большой взрыв» — общее название процесса возникновения Вселенной, которая расширяется со временем, что наблюдается как красное смещение спектральных линий далеких галактик (эффект Доплера). Расширение Вселенной есть расширение ее пространства. Поэтому начало расширения оказывается началом самих пространства и времени. Возраст Вселенной, согласно современным наблюдениям, около 13,7 миллиардов лет. Точка начала времени получила название сингулярности. Что интересно, аналогичные точки, согласно теории относительности, находятся и внутри так называемых «черных дыр». С момента открытия космической сингулярности начались споры между учеными астрофизиками, философами и богословами о смысле этого открытия. Американские ученые Пензиас и Вильсон открыли реликтовое излучение — первозданный свет, возникший до появления звезд. Этот свет по яркости был когда-то подобен солнечному, а сегодня он невидим и является радиоизлучением. Теория расширяющейся Вселенной Фридмана, получившая в космологии название «стандартной модели», позволила объяснить много наблюдаемых фактов. Усилиями таких теоретиков, как Героч, Типлер, Хокинг, Эллис, возникла целая наука о сингулярностях. Было понято, что начало мира как точка, в которой тензор кривизны бесконечен, не принадлежит пространству-времени Вселенной, несмотря на то, что все, что есть во Вселенной, имеет начало в ней. Хотя для нас эта точка находится в далеком прошлом, относительно нее любая точка находится «рядом». И если считать эту точку, как полагал Типлер, Божеством, то оказывается, что расстояние от Божества до любого события в пространстве-времени Вселенной равно нулю, но расстояние от любого современного объекта до Божества 13,7 миллиардов лет. Идея сотворения мира из ничего является традиционной идеей христианского богословия, в то же время, среди современных западных богословов как католической, так и протестантской традиции имеются разные взгляды на проблему начала. Одни богословы говорят, что начало означает невозможность объяснения физической вселенной из нее самой — ее несамодостаточность. А тот же Типлер предлагает катафатический взгляд на начальную сингулярность, отождествляя ее с Богом. Сингулярность, согласно Типлеру, следует понимать как иную нефизическую реальность, из которой вышла физическая Вселенная в прошлом и в которую она войдет в будущем. И этот переход может произойти в любой момент времени. Эта гипотеза,

конечно, очень близка к тому, что описано в Апокалипсисе. Если все-таки отвлечься от различных умозрительных богословских интерпретаций, то можно совершенно определенно утверждать, что если Вселенная некогда возникла в результате какого-то события, то она несамодостаточна, что проявляется в сингулярности, но из несамодостаточности не обязательно следует ее сотворенность.

Выступление **Владимира Борисовича Кирьянова**, доцента кафедры высшей математики Санкт-Петербургского государственного университета экономики и финансов, «**Пропповская формула волшебной сказки и решение трудной задачи**» было посвящено структурной формуле русской волшебной сказки и ее приложению к анализу истории крупного научного открытия на примере научного творчества самого В. Я. Проппа. Как это ни странно на первый взгляд, пропповская формула волшебной сказки, в интерпретации докладчика, находит применение далеко за пределами сказочного жанра и дополняет известную модель научных революций, созданную Т. Куном. Эта формула описывает как механизм решения трудной научной задачи, так и способ, каким решение получает общественное признание. Формула Проппа описывает универсальный алгоритм сюжета волшебной сказки. По этой формуле после похищения сказочной героини и явления героя, берущегося за ее спасение, сказка повествует о поиске героем волшебного средства решения трудной задачи. Вооружившись после многих приключений волшебным средством, герой вступает в борьбу с силами зла и в итоге, применив свое волшебное средство, освобождает сказочную царевну. В этом плане историко-научные сюжеты подобны сказочным. Так, в истории науки завязкой большого научного открытия является событие осознания будущим научным героем некоторого круга наблюдаемых явлений и необходимости их объяснения как нерешенной трудной задачи. Эта задача не решается имеющимися средствами и для своего решения требует создания каких-то новых, еще не известных средств. Сама способность научного героя увидеть трудную задачу там, где ее не видят и не желают видеть научные антигерои, обрекает его на несказочную борьбу с ними. Ибо в то время, когда научные герои занимаются решением трудных задач, научные антигерои занимаются антинаучным мифотворчеством. И поэтому после успешного решения героем своей задачи движущей силой антигероя становится зависть и борьба за сохранение своего незаслуженного положения. Эта зависть и толкает антигероя на убийство героя своими или чужими руками. История науки знает массу таких примеров. В истории развития структурной лингвистики, одним из героев которой оказался сам Пропп, в роли пострадавшей сказочной героини выступает сама волшебная русская сказка. Похищением героини здесь является событие утраты учеными фольклористами понимания сказочной стихии, с которой им пришлось иметь дело. Героем же этой научной истории является, очевидно, сам Пропп, осознавший задачу. Волшебные помощники героя — его университетские учителя и научные коллеги. В роли волшебного дарителя здесь выступает научный метод структурного анализа языковой реальности. Волшебным же средством решения задачи явился примененный Проппом табличный метод сравнения сказочных повествований по поступкам их действующих лиц. И наконец, научные антигерои этой не сказочной истории — разного рода игроки в науку, заменяющие наблюдаемую действительность политизированными выдумками и честный научный труд — сочинением наукообразных мифов. В заключение докладчик обратил внимание на многозначительный, с его точки зрения, факт повествовательного единства волшебной сказки, любовного романа и истории научных открытий с библейским повествованием. По его мнению, именно героическая структура последнего послужила единым образцом для

всего последующего европейского творчества: сначала устного народного, потом письменного художественного, и наконец, научного и технического.

В теме «Наука и образование» наибольший резонанс имели выступления **В. Н. Садовникова** и **В. Н. Солнцева**.

«Культура и образование» — так назывался доклад доцента кафедры философии Санкт-Петербургского национального исследовательского университета информационных технологий, механики и оптики **Валерия Николаевича Садовникова**. Автор отметил, что озабоченность состоянием европейской культуры и образования возникла не сегодня. Уже в конце XIX века Ф. Ницше начал бить тревогу по поводу деградации духовной культуры, захваченной грандиозным движением «презренного денежного хозяйства», в результате которого культурный человек вырождается в величайшего врага культуры. Нынешняя культура безжалостно эксплуатируется, будучи поставлена на службу наживы и дохода. Душой этой культуры, по Ницше, является торговля. Поэтому все в культуре оценивается лишь по нуждам массового потребителя. Причем такой оценке подлежит все: искусство и художник, наука и ученый, образование и учитель, политика и политик. Факт взаимосвязи культуры и образования очевиден, и нет нужды в его доказательстве. Ценностно-смысловые изменения в культуре с необходимостью влекут за собой содержательные изменения в образовании, и наоборот, изменение содержания образования, его целей и задач с необходимостью сказывается на состоянии культуры. Говоря о современном образовании, можно выделить два его аспекта: образование как воспитание и развитие человека и образование как средство для развития науки и техники. Узконаправленный специалист сегодня фигура трагическая. За пределами своей деятельности он зачастую не в состоянии мыслить и действовать самостоятельно. Он изначально формируется как управляемый объект манипулирования. У него формируют, и весьма успешно, чувство самодовольства от хорошей выполняемой в обществе функции, но отнюдь не чувство человеческого достоинства. А как подметил тот же Ницше, причина возникновения культуры — это недовольство человека самим собой. Вне узкоспециальной деятельности все проблемы и заботы такого человека сведутся к одному: хлеба и зрелищ. Однако современные реформы российского образования направлены на сведение фундаментального образования, и гуманитарного в том числе, до немыслимого минимума. Возникает впечатление, что наши реформаторы решили следовать рецепту Аристотеля, который говорил о том, что рабов следует обучать только конкретным навыкам и ремеслам. Возникает закономерный вопрос, какие же цели в действительности преследуют наши реформаторы от науки и образования и чему или кому они служат? Дегуманизация человека в рамках подготовки «элитных специалистов», вооруженных пресловутыми компетенциями специалиста, очевидна. Докладчик обратил внимание на то, что только фундаментальное и разностороннее образование способствует развитию творческих способностей и только на этой основе можно готовить научную и управленческую элиту, от просвещенности которой зависит будущее огромной страны, находящейся ныне, выражаясь синергетическим языком, в точке бифуркации.

Доклад доцента кафедры статистического моделирования математико-механического факультета СПбГУ, кандидата физико-математических наук **Владислава Николаевича Солнцева** **«Современная наука и ее имитации»** был посвящен некоторым особенностям существования науки в современном массовом обществе. Если обратиться к словарям, то под имитацией понимаются такие явления, как подражание, уподобление, маскировка или подделка. Какое отношение к современной науке и культуре имеют эти

явления? Самое непосредственное, полагает докладчик, ибо человеческая деятельность в так называемом массовом обществе становится все менее творческой и часто сводится к подражанию, копированию, созданию подделок, к тому, что у нас нередко обозначается известным выражением «потемкинская деревня». Формы имитации в нашей жизни чрезвычайно разнообразны, начиная от покраски сухой травы зеленой краской к приезду высокого армейского начальства до «пустых» кнопок на пультах для пуска АЭС и ГЭС, рекламы БАД и реформ в образовании. Вообще, имитация — это не обязательно плохо. Процесс адаптации ребенка к жизни в значительной степени основан на имитации, обучение и образование также предполагают такого рода деятельность. Первые шаги в науке, как правило, основаны на имитации как подражании учителям и авторитетам. Но если написание диссертаций, реализация важных научно-технических проектов, образовательный процесс в школах и вузах сводятся преимущественно к имитационным процедурам, то это ведет к социальной катастрофе. «Нечестное образование» стало нормой в Восточной Европе и в России, в частности. Теневой рынок высшей школы в России оценивается в два миллиарда долларов, включая взятки за обучение в вузах, подготовку псевдодиссертаций, продажу дипломов, ученых степеней и званий. В то время как до прогнозируемого начала нового технологического скачка (НТР-2) осталось не более 10–15 лет, в России уничтожаются последние дееспособные научные учреждения и проводится реформа образования, призванная сформировать радикальный нигилизм в отношении фундаментальной и прикладной науки, технологии и инженерии. В школах неуклонно сокращается объем времени, отводимый на преподавание математики, физики и химии, — предметов, являющихся фундаментом современной науки и создающих базу рационального, логического мышления. Историческая наука все в большей степени превращается в имитацию объективного познания и анализа прошлого. Наши учебники истории регулярно переписываются при смене политических режимов. Но хорошо известно, что народ, не знающий правды о своем прошлом, не имеет будущего. Когда в образовании, научной деятельности, социальных реформах преобладает имитация, сужается горизонт будущего. К имитации склоняются цивилизации, оказавшиеся неспособными ответить на вызов времени. Найдет ли в себе силы для ответа на этот вызов современная Россия?

В направлении работы семинара, которое получило название «**Наука и духовная культура**», в первую очередь можно выделить доклады **А. Н. Исакова, Н. М. Савченко, О. Э. Душина и В. П. Бранского**.

Доклад доцента кафедры философской антропологии философского факультета СПбГУ **Александра Николаевича Исакова** «**Три версии “Преступления и наказания”**» был посвящен проблеме понимания смысла произведений искусства на примере интерпретации смыслов одного из романов Ф. М. Достоевского. Докладчик предложил три подхода, три интерпретации классического произведения русской литературы: идеологическую, психоаналитическую и структурно-символическую, основанную на концепции бессознательного Ж. Лакана. *Идеологическая версия* романа, по мнению А. Н. Исакова, отсылает нас к философии ницшеанского толка, в центре которой открытие власти как иной свободы. Власть — это чисто волевой мотив. Как замечает Раскольников, власть — это «только посметь». И в этом смысле идея власти представляет собой альтернативу христианскому пониманию свободы воли. Герой Достоевского, предвосхищая Ницше, открывает иную свободу во властных отношениях. С точки зрения автора доклада, идеологическая версия оказывается неубедительной. Мысль о подчинении одной свободной воли другой волей может стать скорее темой

для политического трактата, но не поводом братья за топор. Идеология романа не объясняет основного сюжетного действия — преступления Раскольникова. *Психоаналитическая версия* заключается в том, что воля и мысль Раскольникова связаны друг с другом некоторой третьей инстанцией, которая сама по себе ускользает от героя. Данную бессознательную инстанцию, вслед за Фрейдом, можно определить как отцовский комплекс Раскольникова (комплекс вины перед отцом). В целом поведение Раскольникова можно описать следующим образом. Отец Раскольникова когда-то, возможно, за восемь лет до описываемых в романе событий, совершил преступление, связанное с деньгами, и, попав под суд, покончил с собой. Раскольников бурно прореагировал на преступление и смерть отца, и он хочет повторить преступление отца, но не с позиции загнанного в угол человека, а как ответственный член общества. Тем самым герой стремится задним числом оправдать отца, доказав на собственном примере, что можно совершить подобное преступление и не считать себя преступником. Но если даже согласиться с изложенной версией, непонятным остается сам факт убийства. Раскольникову нужно было преступление, связанное с деньгами, то есть обман, подлог, грабеж, но не убийство. Смысл совершенного остается непостижимым. *Структурно-символическая версия* основывается на обстоятельстве, из которого, с точки зрения автора, можно извлечь понимание некоторого принципиального момента, который он называет «текстопорождающей структурой романа». Суть в том, что у Раскольникова был брат, который умер, но в романе имя умершего брата нигде не упоминается. Более того, о самом его существовании мы знаем из единственного предложения, относящегося к описанию сна героя. С точки зрения автора доклада, многие эпизоды романа свидетельствуют, что воображаемое героя подчинено бессознательной структуре, которая комбинирует элементы сновидения, так же как и события в реальной жизни. В тексте же действия данной структуры представлены через анаграмматические формы, производные от имени *Л-Е-О-Н-И-Д* (имя умершего брата). В реальной жизни персонажа бессознательное сосредоточено в его фантазматической идее первородства, которая связывает героя со своим мертвым братом. Эту связь не совсем правильно было бы назвать простым тождеством. Герой не идентифицирует себя с братом, поскольку имя брата ничего не значит для его сознания, но там, где это имя появляется в неявной, расчлененной, метонимической форме, как в именах двух сестер, герой лишается воли. Поэтому более точным будет утверждение, что для поведения героя значимо отождествление своей целеполагающей активной деятельности с пассивным состоянием созерцания «маленькой могилки меньшего брата». Пассивность «мертвого» объекта оборачивается трансгрессивной активностью субъекта, приводящего к небытию свои жертвы. Убийство, совершенное героем «Преступления и наказания», является специфическим глубоко бессознательным действием, несмотря на «пробные визиты», петлю под мышкой, исчисления прожиточного минимума и муки страдающего палача. Бурная активность персонажа лишь хорошая мина, скрывающая холодную безличность неизбежных событий, в череде которых свобода личной воли всегда уже проиграна.

Выступление на «Философской среде» доцента кафедры онтологии и теории познания философского факультета СПбГУ **Н. М. Савченковой с темой «Психоанализ как новая концепция Просвещения»** явилось развитием и разъяснением ряда положений, выдвинутых предыдущим докладчиком в связи с предложенной им психоаналитической версией «Преступления и наказания». Основное содержание

этого выступления было посвящено вопросам, связанным с генезисом и основными принципами психоанализа.

Известно, что, достигнув вершин рациональности, европейская культура подверглась радикальной критике, поскольку «суверенный разум» оказался крайне незащищенной инстанцией. Фрейд оказался одним из немногих мыслителей, сохранившим верность общему смыслу Просвещения. Эпистемологически психоаналитическая парадигма крайне гетерогенна и включает в себя элементы самых разных стилистических систем — от жестких естественнонаучных образцов до предельной неоднозначности и насыщенной метафоричности искусства. Этот синтез осуществлялся под знаком археологической идеи, которая была личной интуицией Фрейда и, по сути, являла собой образ особой временной и пространственной размеченности психической жизни, порождающий совершенно новую конфигурацию субъективности как проблематического соотношения внутреннего и внешнего, прошлого и настоящего. Одна из основных задач Фрейда состояла в тематизации вытеснения как главного диалектического механизма становления субъекта, ответственного за идентичность. Психоанализ стал субъективной наукой о субъективном, усматривающей чистый интерес разума не в обуздании природы, и человеческой в том числе, но исключительно в самоописании, стремлении присутствовать при любом событии. Новая концепция Просвещения зарождается в психоаналитическом мышлении как новое понимание времени, совершеннолетия и несовершеннолетия. «Полночь никогда не наступает в полночь», — гласит известная максима Мориса Бланшо. Совершеннолетие также не равно своему часу. Взрослое состояние культуры мыслится не в обретении ее субъектами половозрелости, идентичности, платежеспособности и не в созидании бастионов Эго, а на пути формирования внутренних динамизмов, отвечающих миру как сложному событийному целому. От модели Эдипа современный психоанализ переходит к фаустовской модели, от формы трагедии — к форме романа. В первом случае центральным элементом метафоры служила встреча с самим собой, понимание психической динамики как будущего, реализующего всю неочевидную суть прошлого. В фаустовской модели основным мотивом становится анизотропия времен и множественность мест. Будущее и прошлое не связаны столь жестко зеркальными отношениями, причинность организована не как перипетия, но соответствует принципу сверхдетерминации — она множественна и избыточна. Идеалом аналитика становится Мефистофель, с его искусством компрометировать/обесценить объектное желание, способностью выходить за рамки бинарных оппозиций и расширять смысловое поле происходящего за счет его карнавализации.

Если ключевая фраза в диалоге Эдипа и Тиресия — изумленный вопль Эдипа: «Знаешь — и не скажешь?», свидетельствующий о безусловной вере в знание и наделении его абсолютными катартическими и терапевтическими свойствами, то разговор, реконструированный для нас Гете, пронизан стремлением Мефистофеля указать Фаусту на возможное иное употребление мысли и чувства. В итоге ответить на вопрос, кем же был Мефистофель и какую роль в отношении Фауста он исполнил, оказывается весьма затруднительным. Иерархия небесного мира неоднозначна: ангелы и бес иногда выглядят разными флангами одного и того же боевого порядка. Для психоаналитика эта двойственность — вопрос профессиональной стратегии и важнейший принцип. Совершенно очевидно, что данная альтернатива не имеет этической природы и, более того, выбор здесь весьма условен. Двойная осененность ангелом и бесом ныне наша единственная надежда миновать тупики мышления и — в стихии ли комического, в бесконечной ли, страстной, личной заинтересованности,

называемой верой, или в очевидности любви — прийти к открытости существования, которая в пораженном архаическими защитами мире есть единственный способ превратить жизнь в ценность.

В докладе профессора кафедры истории философии философского факультета СПбГУ **Олега Эрнестовича Душина** «**Проблема совести в христианской мысли**» был поднят вопрос об истоках современной нравственности и ее роли в культуре. Докладчик обратил внимание на то, что моральные нормы и принципы европейской культуры основываются на некоторых важных понятиях и установках, одним из которых является понятие совести. В исследованиях по истории этики до сих пор ведутся дискуссии о месте и роли этого понятия, в частности, в рамках античной литературы и философии. Однако несомненно, что решающее значение оно приобрело в трудах христианских авторов, ориентированных на осмысление глубинных мотивов греховной человеческой деятельности. По мнению докладчика, именно концепция Петра Абеляра послужила основанием для утверждения понятия совести в качестве внутреннего измерения человеческой морали и развития соответствующей церковной практики, таинства исповеди. Следуя Аристотелю, Фома Аквинский продемонстрировал ведущую роль разума в сфере морали. В этой связи совесть являлась для него актом применения всеобщих моральных правил в конкретных обстоятельствах поведения. Но не все средневековые мыслители соглашались с приоритетом разума в делах нравственности, оставаясь преданными авторитету Августина. Прежде всего, это представители францисканцев — Бонавентура, Дунс Скот и др. Таким образом, в дискуссиях Средневековья были выявлены некоторые принципиальные этические противоречия: с одной стороны, совесть предписывает человеку определенные действия, с другой стороны, суждения совести могут быть ошибочными. Такая проблема получила название «ошибающейся совести». Признание рациональности воли в европейской философии было поставлено под вопрос после трудов А. Шопенгауэра и Ф. Ницше. В заключение докладчик подчеркнул, что именно схоластический дискурс Средневековья предложил вполне актуальные и интересные решения и подходы, которые лежат в основании европейской христианской культуры и задают нравственные истоки нашего самосознания.

Профессор кафедры философии науки и техники философского факультета СПбГУ, почетный профессор университета **Владимир Павлович Бранский** является одним из основателей социальной синергетики. В своем докладе «**Синергетическая философия истории**» он изложил основные идеи и этапы развития этого нового направления в современной философии, которое возникло на основе междисциплинарных исследований в естествознании XX века. Основное внимание докладчик сосредоточил на синергетической интерпретации религии, которую он относит к одной из форм идеологии. Синергетическая философия истории, сформировавшаяся в 90-х годах XX века, рассматривает развитие социальной реальности как процесс ее самоорганизации на трех уровнях: онтологическом (самоорганизация социальных институтов), гносеологическом (самоорганизация социальных теорий) и аксиологическом (самоорганизация социальных идеалов). Исследование самоорганизации социальных идеалов открывает совершенно новые перспективы для понимания такого важного социального явления, как религия, для понимания основных закономерностей развития религиозного мышления. Исходным источником религиозного мышления, по мнению автора доклада, является проблема бренности бытия и вытекающая из нее проблема спасения от этой бренности. Очевидно, что эти проблемы разрешаются только в том случае,

если существует сверхъестественное (боги или Бог) как абсолютная ценность и бытие, не подвластное разрушительному действию времени. Так возникает представление о сверхъестественной реальности, которая вечна, неизменна, абсолютна. Эта реальность непознаваема посредством разума и опыта и может являться лишь через откровение. Источниками такого откровения в религии, как правило, являются пророки. Далее В. П. Бранский обратил внимание на то, что логика развития религиозного мышления, основанного на откровении, приводит к противоречиям двоякого рода. Во-первых, это противоречия между определенностью и неопределенностью в описании сверхъестественной реальности. Во-вторых, противоречие между «истинной» и «ложной» верой. Синергетическая теория идеологии показывает, что в основе разграничения истинной и ложной веры лежит смешение таких понятий, как истина и идеал. Если истина — это соответствие нашего знания действительности, то идеал есть соответствие знания желанию субъекта. Если истина — это знание о сущем, то идеал есть знание о должном. Именно идеалами определяется смысл жизни человека, которым наука не занимается. А для того чтобы это происходило, нужна вера в эти идеалы, вера как определенное психическое, чувственно-эмоциональное состояние. Поэтому религиозная вера находится по ту сторону истины и заблуждения и не может быть истиной религии. Монизм истины в науке не допускает компромисса между истиной и заблуждением. Напротив, плюрализм идеалов в сфере идеологии допускает не только мирное сосуществование разных вероучений, но и компромиссы между ними. Оказывается, что только благодаря самоорганизации религиозных идеалов (их дифференциации или интеграции) можно преодолеть идеологические противоречия и возникающие на их основе религиозные конфликты. Следовательно, подлинная веротерпимость возможна только в том случае, если появляется сознание того, что идеал не совпадает с истиной. И вера может быть не истинной или ложной, а гуманистической или негуманистической. Гуманистические идеалы требуют полной гармонии свободы и ответственности, а следовательно, прав и обязанностей, и в конечном счете, гармонии порядка и хаоса в обществе. Антигуманистические идеалы нарушают эту гармонию и ведут к абсолютизации или хаоса (анархизм), или порядка (тоталитаризм). Эвристическая роль синергетического подхода в истолковании сущности религиозного мышления убедительно свидетельствует об универсальности данной концепции. Все это говорит об эффективности и перспективности исследований в области социальной синергетики как основной, по мнению В. П. Бранского, философской концепции, утверждающей принцип исторического оптимизма.

Формат краткого обзора не позволяет отразить все нюансы и детали в работе семинара. За кадром остались заданные докладчикам вопросы и ответы на них, а также дискуссии, которые нередко приобретали весьма затяжной и бурный характер. Существуют аудио- и видеозаписи семинаров; к сожалению, по ряду технических причин они на данный момент отсутствуют в Интернете. Но двери дискуссионного клуба «Философская среда» открыты для всех желающих. Приглашения на наши мероприятия рассылаются заблаговременно по электронной почте. Поэтому для участия в семинарах достаточно сообщить свой электронный адрес по адресу: philosophy.punk@gmail.com и добраться в означенный день до здания математико-механического факультета в Петергофе (ауд. 4381). Желающим выступить на нашем семинаре необходимо выслать по этому же адресу тезисы своего доклада.